



Данил КОРЕЦКИЙ

Чего не может делать машина

РАССКАЗ

Эта дверь тоже не поддавалась, и Моррисон долго бил в нее кулаками, пинал ногами; коротко разбежавшись, с маху ударялся всем телом о холодную безжалостную поверхность.

Все усилия не давали даже повода для иллюзий, с таким же успехом можно было биться о скальный монолит. Может быть, поэтому, а может, подсознательно, вспомнив действие одурманивающего газа, которым его угостила одна из предыдущих дверей, Моррисон оставил надежду войти и побрел дальше.

Он уже давно не ориентировался ни во времени, ни в пространстве.

Намертво запертые двери, выплывающие порции тошнотворной смеси, глухие, с замаскированными, пропускающими свет только в одном направлении окнами стены домов, уходящие высоко вверх, пустынные, без единого человека, улицы...

Художник Александр КАТИН

Само по себе это было привычным. В родном городе Моррисон жил в таком же доме, надежно огражденный от внешнего мира несокрушимой дверью, готовой выпустить в непрошеного пришельца, если его активность превысит установленную норму нагрузки на сторожевой механизм, точную струю нейтронизованного газа, иногда он смотрел в поляризованное стекло окна на вечно пустую улицу, ничуть не удивляясь тому, что на ней нет людей и автомобилей. Действительно, ходить по улицам не было никакой необходимости: под каждым домом имелся гараж с выходом на подземные автотрассы, а в верхних этажах располагались винтолеты, готовые доставить тебя в любое нужное место. Моррисон никогда не открывал внешнюю дверь, не столько в силу сложившихся традиций — когда-то давно это было небезопасно из-за загазованного воздуха и возможных нападений преступников, сколько оттого, что не появлялась такая потребность. Комнатная автоматика создавала самый полезный для здоровья климат, трубопроводы доставляли нужные вещи, еду и напитки — бары, рестораны и дансинги располагались в самом доме, — а на службу он добирался по подземной трассе...

Сейчас, оказавшись на улице, да еще без привычной оболочки — автомобиля или винтолета, — Моррисон взирал на окружающие его дома с чувством черепахи, рассматривающей снаружи свой собственный панцирь.

Садясь в винтолет, Моррисон и подумать не мог, что такое возможно. Он нажал кнопку личного опознавателя, и короткий радиосигнал открыл верхний люк ангара. Машина бесшумно ввинчивалась в небо. Земля уходила вниз, уменьшались и скользили назад громады небоскребов. За городской чертой расстиралась равнина с восстановленной зеленью: и деревья, и трава, и эти, как их... кустарники. Все самое настоящее, точь-в-точь как до Великого кризиса.

Прямо по курсу протянулась извилистая серая лента — надежно забетонированное русло Лакомы. Скоро пустят воду, и река тоже станет настоящей. Зато в случае повторений Лакомского ЧП или других подобных происшествий радионуклиды не проникнут в почву, а дезактивация наружных поверхностей — хорошо отработанная, а потому несложная процедура.

Все осталось по-прежнему. Человек пережил сотворенные им же катаклизмы и остался самим собой.

«Остался ли?» — вдруг подумал Моррисон и удивился внешней мысли. Откуда она взялась? Ах, вот оно что...

Внизу проплывал двойной ряд куполов из освинцованного стеклопласта. Раньше, «до того», автоматика заранее бы изменила маршрут, чтобы винтолет обогнул опасное место. Теперь оно опасности не представляет...

Моррисон взглянул на бортовой счетчик Гейгера. Стрелка качнулась вправо, но до красной черты было еще далеко. Впрочем, он знал, что раньше шкала градуировалась по-другому... В памяти выплыло: «Генетическая реконструкция с целью сохранения вида». Название медико-биологической части программы преодоления Великого кризиса.

«Так остался ли человек самим собой?»

Моррисон чувствовал какое-то беспокойство. Странные мыс-

ли, непонятные сомнения... Вместо того чтобы спокойно включить телевизор и расслабиться, твердо зная, что все будет в порядке, как заведено. Через четыре часа автопилот приведет машину в небольшой городок на побережье, снизится над домом Андерса, опознаватель передаст его индекс, и заблаговременно оповещенный гостеприимными хозяевами сторожевой механизм приветливо распахнет приемный люк. И чудесные дни уик-энда... Почему Марианна решила лететь раньше? Вместе было бы веселей и не лезли в голову тревожные мысли.

Тревожные предчувствия оправдались самым неожиданным образом. Настолько неожиданным, что даже автоматика оказалась не в состоянии предотвратить аварию.

Впрочем, это понятно: возможность столкновения с птицей программа не предусматривала. Считалось, что птицы вымерли полностью, одновременно с животными и рыбами, еще в период общего загрязнения атмосферы. Оказалось, что нет. После удара винтолет опустился мягко — сработала аварийная система. И когда Моррисон выбрался наружу и увидел, что приземлился прямо в городе, на широкой улице, он даже обрадовался, не подозревая пока, чем для него это обернется.

В конце квартала мелькнула человеческая фигура, и Моррисон, отчаянно крича, бросился туда. Увы, это был всего-навсего низкоразрядный робот-уборщик. Автомат безразлично обошел Моррисона, а тот сел прямо на мостовую, ощутив после всплеска эмоций страшную усталость и полное безразличие ко всему на свете. И еще — голод.

Он машинально сунул руку в сумку с аварийным запасом и бросил в рот кубик питательного концентрата. В пище содержалась тонизирующая смесь, и он почувствовал себя бодрее, отметив, однако, что концентрата осталось всего шесть кубиков — запас на два дня... А что потом?

Вначале авария позабавила его, ибо ничем серьезным не грозила. Безопасное приключение, легкая встряска без неприятных последствий. Небольшая задержка — и только. В конце концов он не какой-нибудь изгой, у него солидный счет, и достаточно связаться с любой транспортной конторой, чтобы получить новый винтолет то ли напрокат, то ли в собственность.

Моррисон включил передатчик, но индикатор устойчивой связи не зажегся: мешали нашпигованные электроникой небоскребы, окружающие машину со всех сторон. Но и это его не обескуражило — он оказался не в лесу, не в болоте, не в море или диких скалах... Он — в городе, и пусть это чужой, но все-таки город...

На всякий случай Моррисон просмотрел инструкцию «Как вести себя после аварин». Там подробно описывалось, как надо поступать, оказавшись в джунглях, пустыне, на необитаемом острове, на вершине Эвереста и в других, самых неподходящих для человека местах. А поведения в чужом городе инструкция не расписывала...

«Хорошо еще, что можно дышать», — подумал Моррисон. С высоты он много раз видел усеченные конусы очистителей атмосферы, разбросанные по санитарным квадратам. Они выполнили свою задачу и надежно законсервированы. Вдруг опять понадобятся.

Передохнув, Моррисон пошел дальше. Куда идти, он не знал и хотел было вернуться к винтолету — все-таки рядом со своей оболочкой чувствуешь себя увереннее, но тут же понял, что не знает, где находится аппарат, и не сможет его отыскать.

«Лучше бы я упал в море или джунгли, — размышлял Моррисон. — Там все ясно и просто: аварийная система оценивает обстановку, передает сигнал на спутник связи, и через несколько часов приходит помощь. Сейчас бы я был уже дома. А так — вроде бы все в порядке: сел в городе, от чего меня спасать? Ни экстренных вызовов, ни тревоги. Можно спокойно сдохнуть с голода...»

Конечно, на самом деле он не допускал мысли, что может погибнуть в центре густонаселенного города, но вся история начинала ему здорово не нравиться. Безвестное отсутствие на службе грозило потерей работы, а это уже достаточно серьезно. Да и вообще, происшествие затягивалось.

«Черт побери, ну и влип!» — выругался Моррисон.

Он впервые подумал, что забавное приключение поворачивается угрожающей историей, и его положение может оказаться гораздо серьезней, чем это представлялось вначале. Настолько серьезней, что... Впрочем, он сразу отогнал эту мысль. Главное, не поддаваться панике. Надо рассуждать спокойно. Нужно найти телефон. Телефон — это цель. Каковы способы ее достижения? Попасть в дом — огибает. Остается второй способ: найти кого-нибудь из местных жителей за пределами его квартиры и все ему объяснить.

Спокойно размышлять Моррисону понравилось.

Итак, следующий вопрос: где за пределами квартиры можно найти человека? Ясное дело, на службе! Но в офис попасть тоже не удастся, что же делать? Так, правильно, есть люди, которые в силу условий работы находятся на улице, в местах общего пользования, в подсобных помещениях. Что же это за люди?

Моррисон перебирал в уме профессии до тех пор, пока ему не показалось, что он когда-то уже занимался этим. Он напрыг память и вспомнил.

Несколько лет назад в развлекательной телепрограмме проводилась викторина под названием «Чего не может делать машина?». Победителя ждал крупный приз, и участие в викторине приняли многие. Но дать верного ответа не смогли. Машины умели все. Правда, одна экстравагантная дама пыталась добиться успеха, заявив, что машина не умеет любить, но ведущий резонно возразил, что любовь — всего-навсего комплекс эмоций, а не вид деятельности. Приз все-таки вручили ей: мол, вы не виноваты, что вопрос не имеет ответа, а ваша попытка была самой оригинальной...

Тогда Моррисон расценил увиденное, как рекламный трюк, убеждающий зрителей в том, что раз машины могут делать все, то нечего раздумывать, надо покупать их. Сейчас он увидел в этом и еще одну сторону, губительную для себя...

Моррисон обхватил голову руками. Хотя поверить в то, что он обречен, было нелегко, сейчас эта возможность показалась ему настолько реальной, что ноги стали ватными, и он опустил ся на мостовую.

И вдруг обостренные страхом чувства подсказали, что на него кто-то смотрит. Моррисон вскочил и огляделся по сторонам. Улицы были пустынные, но он почти физически ощущал, что его пристально рассматривают сотни, а то и тысячи пар глаз.

Конечно же! Как он сразу не подумал! Ведь он сейчас должен быть в центре внимания всего города! Он — Человек на Улице. Это настолько необычно, что все жители окружающих домов, прекратив привычные занятия и оставив надоевшие телевизоры, прильнули к окнам. Без сомнения, они наблюдали за каждым его шагом. Он шел по городу, а они, наверное, звонили друг другу и предлагали выглянуть в окно, подивиться на чудо.

Моррисон поднял голову. Одинаковость темных матовых панелей не могла его обмануть, за ними прятались невидимые, но любопытные зрители.

Он поднял обе руки вверх и громко закричал:

— Мне нужна помощь! Я попал в аварию, мне нужен телефон! Кто-нибудь, пустите меня к себе, дайте позвонить! Я кредитоспособен, мой индекс ГХ-102, можете проверить!

Моррисон знал, что чувствительные микрофоны доносят в квартиры каждое его слово, но ответной реакции не последовало. Никто даже не придал прозрачность своему стеклу. Его просто рассматривали, как забавную козявку, ничуть не принимая всерьез. И это его взбесило.

— Что молчите, мерзавцы! Вам не терпится увидеть, как я буду подыхать?! Вы хотите этого?! Негодяи!

Он поймал себя на мысли, что это уже буйство и кто-нибудь может вызвать полицию, но не испугался, а скорее обрадовался такой возможности, увидя в ней выход, и продолжал кричать и ругаться до тех пор, пока не сорвал голос.

И снова никакой реакции в ответ.

«Конечно, никто не почешется, — подумал Моррисон. — Никому нет до меня дела. Никому ничего не надо. Им даже лень вызвать полицию». Он вынужден был признаться себе, что если бы, находясь дома, стал очевидцем такого необычного представления, то тоже ограничился бы лицемерием и не стал бы вмешиваться в события.

Как же расшевелить их? Есть только один способ: заставить каждого ощутить опасность лично для себя!

Моррисон вытащил из сумки тяжелый футляр с предостерегающей надписью: «Вскрывать только в случае крайней необходимости!» — и без колебаний сорвал красную пломбу.

Подняв разрядник над головой, он на секунду задумался, но все-таки нажал спуск. От яркой молнии потемнело в глазах, в лицо ударила волна горячего воздуха, но Моррисон стрелял еще и еще, отчетливо представляя, как, испуганно отпрянув от окон, сотни обывателей бросились к телефонам. Кончились заряды, и он, бросив оружие на землю, стал ждать развязки.

Вокруг ничего не изменилось, было по-прежнему тихо, и вдруг Моррисона пронзила ужасная мысль: ему показалось, что в этом городе, а может быть, и на всей Земле больше не осталось людей, он — последний. Моррисон так ярко представил себя единственным живым существом на огромной планете, что его прошиб холодный пот и он даже забыл, как оказался здесь,

в незнакомом городе, почему у него закопчены руки, а неподалеку валяется разрядник...

Но в следующий миг все изменилось. Он бы никогда раньше не поверил, что так обрадуется звуку сирены и будет готов расцеловать полицейского только за то, что он — человек, хотя и в полицейской форме. Человек, с которым можно поговорить, пожаловаться на полосу невезения, на стечение обстоятельств, с которым можно вместе посмеяться над своими глупыми страхами, обсудить нелепую ситуацию, в которой угораздило очутиться...

Однако из полицейского автомобиля вышли одетые в форму белковые роботы — универсальные автоматы повышенной сложности.

— Вы арестованы, просим следовать за нами, — произнес традиционную фразу один из них.

Моррисон оцепенел.

— Вы арестованы, просим следовать за нами, — повторил автомат.

— Подождите, я же хочу все объяснить... С кем я могу поговорить? Кто меня выслушает? — спросил Моррисон.

— Все объяснения дадите в суде, — последовал бесстрастный ответ.

Моррисон перестал упрямяться и сел в машину. «В суде, так в суде, — подумал он. — Лишь бы скорее...»

Теперь, когда он был уверен в том, что его мытарства кончились и через пару часов он будет дома, ему хотелось поскорее увидеть судью уже не для того, чтобы рассказать о своих злоключениях, а просто убедиться, что на свете есть и другие живые люди, кроме него, и удовлетворить свою, почти уже ставшую физической потребность перебраться хоть несколькими словами с Человеком!

Однако в зале суда людей не было. На огромном столе стояла узкая серая колонна с динамиком у основания. Вспыхнула ровным светом сигнальная лампочка.

— Вы обвиняетесь в нарушении порядка, незаконном ношении оружия, покушении на жизнь окружающих. Признаете ли вы себя виновным?

— Нет! — Моррисон поперхнулся словами, но продолжал говорить быстро, сбивчиво, опасаясь, что его перебьют и не дадут рассказать всю историю. Но его никто не перебивал. Когда он замолчал, вновь заговорила машина:

— На ваших руках нагар — бесспорное свидетельство того, что вы стреляли. Вы ведь не станете этого отрицать?

— Конечно, нет, но...

— Далее. Рядом с вами найден разрядник, на котором имеются отпечатки ваших пальцев. Здесь же и вскрытый футляр разрядника, тоже с отпечатками. Это вы признаете?

— Признаю, но разрядник входит в комплект аварийного запаса...

— Вскрытие футляра без крайней необходимости приравнивается к незаконному ношению оружия. У вас ведь не было необходимости использовать оружие?

— Нет, но...

— Далее. В полицейский участок поступило восемьсот сорок

семь сообщений от жителей города, заявивших, что вы учинили буйство с использованием оружия, а это представляло опасность для их жизни. Вы признаете это?

— Признаю, но...

— Значит, фактически вы признаете себя виновным!

— Да нет же!

Моррисон вновь принялся описывать свои приключения, но вдруг, почувствовав апатию ко всему, замолчал и махнул рукой.

— Отведите меня к человеку, к любому человеку!

— В этом нет необходимости, правосудие в нашем городе осуществляется электронным судом. Выслушайте приговор: не признавая себя виновным, подсудимый не опроверг ни одного пункта обвинения. Его собственные показания, а также имеющиеся улики полностью изобличают его в совершении тяжких преступлений, за которые он заслуживает смертной казни. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно.

Лампочка на вершине колонны погасла.

Роботы-полицейские взяли его под руки и повели. Моррисон шел не сопротивляясь, оглушенный чудовищностью услышанного. Ему казалось, что все это происходит не с ним, а с кем-то другим, но подсознательно он понимал, что такое впечатление создает психологический защитный механизм, предохраняющий его от помешательства, а на самом деле именно он, Моррисон, находится здесь, в чужом городе, среди взбесившихся механизмов, приговоривших его к смерти.

И хотя Моррисон понимал, что в этом городе живут люди, много людей, а на всей планете их еще больше — несколько миллиардов, что это человеческий мир, живущий по человеческим законам и что осужден он тоже по закону, придуманному и проводящемуся в жизнь людьми, хотя он понимал все это, но в голове бились совершенно дикие мысли...

«Значит, я остался один, один на всей Земле... Поэтому они задумали меня уничтожить, я им мешаю, я ведь живой, вот они и решили сделать меня мертвым. Проклятые машины... Это их заговор... Меня тоже сделают машиной... Чего не может делать машина?» Он почувствовал, что может сойти с ума от того, что все происходящее — не кошмарный сон, а не менее кошмарная и оттого более страшная действительность.

Но где-то в глубине сознания жила надежда, что это только горячечный бред, болезнь, от которой он избавится, как только увидит другого человека.

— Человека! Хочу видеть человека! — закричал он и попытался вырваться, но роботы держали его крепко, хотя и предупредительно-мягко, чтобы не причинить боли, и это обстоятельство затронуло какой-то нейронный узел в его мозге.

— Хочу увидеть человека! Я же схожу с ума, мне кажется, что я остался один!

Вдруг в мозгу сработало реле памяти, и от внезапного прозрения Моррисон затих. Он вспомнил.

МАШИНА НЕ МОЖЕТ УБИВАТЬ.

Коридор, по которому его вели, заканчивался, и Моррисон, направляясь к двери, уже знал, кого он увидит за ней.

ДАНИЛ КОРЁЦКИЙ родился в 1948 году. После окончания Ростовского университета работал следователем прокуратуры, старшим научным сотрудником лаборатории судебных экспертиз, в настоящее время — доцент Ростовского факультета Высшей юридической заочной школы МВД СССР, кандидат юридических наук. Автор книг: «В плену вещей», «На грани закона», «Принцип каратэ». Его произведения переводились за рубежом. В «Искателе» выступает впервые.